

© Неменский О.Б.
Nemensky O.

«РУССКАЯ ЗЕМЛЯ» КАК БАЗОВОЕ ПОНЯТИЕ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ. ЗА ЧТО СРАЖАЛИСЬ В ПОЛТАВСКОЙ БИТВЕ?

«RUSSIAN LAND» AS THE BASIC CONCEPT OF RUSSIAN IDENTITY. WHAT DID THEY FIGHT FOR IN THE BATTLE OF POLTAVA?

Аннотация. Для оценки Полтавской битвы и того, как её участники понимали происходящее, необходимо учитывать своеобразие структур идентичности людей того времени и то огромное значение, которое для них играло понятие «Русской земли». Той земли, на которой шло сражение, той земли, за которую они погибли.

Annotation. To estimate the Battle of Poltava, and how the participants understand what is happening, consider the uniqueness of the structures of identity of people of that time and the great importance which they played for the concept of "Russian land." The land on which the battle went on, the land for which they died.

Ключевые слова. Российская, украинская, историография, идентичность, политическая пропаганда, «русская земля», церковно-конфессиональная общность, Святая Русь, Свято-русская земля.

Key words. Russian and Ukrainian historiography, identity, political propaganda, "Russian land", church-confessional community, Holy Russia, Holy Russia Land.

События вокруг Полтавской битвы нередко теперь описываются как сражение двух пришлых, равно чужеродных армий на украинской земле. Однако такой подход не учитывает особенности самосознания и восприятия людей того времени как со стороны казаков, так и со стороны петровской армии, просто опрокидывая современные национальные проекты в прошлое, модернизируя его и описывая тем самым неадекватными для того времени понятиями. Такой подход хорош в политической пропаганде, но он не позволяет нам вникнуть в сущность происшедших событий, понять людей того времени, мотивы их поступков и замыслов. А главное – не учитывает их идентичность, её характер и свойства.

Ни для российской, ни для украинской историографии не секрет, что и представителям российской стороны, и казакам было свойственно осознание себя «русскими», то есть их этничность своей номинацией отсылала к понятию «Руси». Само по себе это, действительно, не означает, что они ощущали себя единым народом: наименование себя русским не подразумевает осознания такими же русскими других, пусть и так

же считающих себя русскими, но всё же носителей несколько иной культурной традиции. По источникам мы можем проследить немало свидетельств и осознания великорусов и казаков друг друга как представителей одного народа, и проявлений явно внешнего восприятия, которое изредка можно даже понять как экзотическое. Однако идентичность складывается не только из самонаименования, но и из целого комплекса понятий «своего», понятий о «своём». И вот здесь стоит рассмотреть вопрос подробнее, так как именно в этих понятиях заключается своеобразие идентитарных систем различных эпох и культур. И если уж речь теперь часто идёт об «украинской земле», то разумно было бы рассмотреть и такое понятие, как «Русская земля».

«Русская земля» – одно из важнейших понятий в системе русской идентичности. Рядом с ним по значимости я бы поставил только «русскую веру». Стоит особенно отметить то, что далеко не любому народу свойственна такая акцентуация на понятии об этнически номинированной земле. К примеру, понятие «Французская земля» выглядит искусственно сконструированным – оно не

Неменский Олег Борисович – кандидат технических наук, Институт славяноведения РАН, Центр украинистики и белорусистики МГУ им. М.В. Ломоносова, тел. (495)543-36-76.

Nemensky Oleg – Doc.of Eng.Sci., Institute of Slavic Studies, Academy of Sciences of Russian Federation, Centre for Ukrainian and Belorussian studies Moscow State University named after M.V. Lomonosov, tel. 543-36-76.

актуально для французской идентичности, ни нынешней, ни прежней. «Русская же земля» встречается нам как важнейшее определение уже с XI века, и оно остаётся актуальным даже по сей день. Чтобы понять его природу, надо обратиться к истокам, к самым ранним его фиксациям. Посмотрим для этого на то, что понимали тогда под «Русью».

Во-первых, «русь» – это «язык». В таком качестве она фигурирует в летописных описаниях дохристианского времени. Само понятие «языка» в значении «народа» весьма оригинально для нашей традиции, и, что примечательно, именно оно позволило вплести «русь» в библейскую ветхозаветную историю с разделением народов после вавилонского столпотворения, найти ему место в числе иафетовых потомков. В этом значении «русь» – лишь языковая общность, дополненная осмыслением родовой близости (наличие общего праотца).

Но такое понятие «руси» актуально главным образом для описаний событий до Крещения Руси и никогда не совмещается в летописях с понятием «Русской земли». С принятием христианства у Руси появляется новое значение. Оно манифестировано в одном из самых ранних текстов – в описании Владимирова крещения в Повести временных лет. Уже там описывается, что этому событию предшествовало избавление Руси от хазарской зависимости и обретение ею своей земли. Это описание – калька с библейского сюжета о еврейском народе, его избавлении от египетского плена и обретении Земли обетованной. Напомню, евреи в Библии – не просто один из народов, но народ избранный, народ, имеющий особое духовное призвание. И вот это отождествление русского народа с еврейским сделало идею богоизбранности русского народа постоянной темой всей русской культуры, став основой таких понятий, как «Руси – Нового Израиля», и Киева – Нового Иерусалима. Это представление о руси как об избранном христианском народе было глубоко обожено и в «Слове о законе и благодати» Иллариона.

Само понятие богоизбранного народа в христианском контексте подразумевало две вещи: осознание духовно-религиозной сущности народа, его особой христианской природы и осознание его земли как священной и даже как святой. Всё это не могло не сделать значимым такое понятие, как «Русская земля». Однако замечу, что «Русская земля» – это не просто территория одного из людских народов, это земля, наделённая особым религиозным значением и вне христианских понятий не существующая. Эта земля имеет особое место в священной истории, в эсхатологической перспективе.

Вообще, для православной традиции свойственно особое внимание к понятию канонического простран-

ства и его границам. Народ в православном религиозном мышлении – это члены одной поместной церкви, и русский народ – это совокупность прихожан Русской церкви. То есть само понятие Русского народа было профессиональным, церковным. То же можно сказать и про Русскую землю. Русская земля – это каноническая территория Русской церкви, то есть это, опять же, понятие церковно-конфессионального плана, а не этнического, как нам бы хотелось это сейчас видеть.

Неудивительно, что наша древнейшая летопись уже в своём названии говорит в первую очередь о Русской земле: "Се повести временных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть". Также и более поздние летописные своды. Например, Новгородская первая летопись начинается со слов: "Временникъ, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и како избра Богъ страну нашу на последнее время...".

Вот текст «Слова о погибели Русской земли». Там однозначно видно, что Русская земля – это и есть земля христианская, а окружена она народами нехристианскими. То есть Русская земля здесь именно религиозное понятие. И при этом там же дано очень определённое описание пределов этой земли, причём в самом широком их понимании. Даже в описаниях ветхозаветной истории русь становится уже именно «русью православной». Например, в «Задонщине»: "Пойдем, брате, тамо в полунощную страну - жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися русь православная». Само определение «русский» примерно к XV веку становится синонимом слова «православный», и Русская земля уже однозначно воспринимается именно как земля православных.

Я подчеркну, что все эти понятия очень не похожи на наши современные этнические представления: это понятия другой категории, но именно они характеризовали самосознание и представления о мире людей тех лет. И подчеркну также глубокое своеобразие таких понятий. Мы и сейчас можем видеть унаследованные нами черты именно такого мышления. Например, утвердившееся в русском языке определение сельских жителей как «крестьян». Крестьяне – это и есть «христиане». То есть весь народ, не только аристократия и городской люд, но вообще весь народ, живущий на Русской земле, осознавался как народ христианский.

Ещё раз: Русский народ предстаёт как церковно-конфессиональная общность; это избранный Богом народ, живущий на Святой земле. Народ называется Новым Израилем, Русская земля – Палестиной, а Киев, как столица этой земли, является Новым Иерусалимом.

Позже в Московской Руси эта концепция перерастёт в более стройные формулировки о Святой Руси и Святोरусской земле. Сакральным центром этой земли по-прежнему будет осознаваться Киев, а концепт Москвы как духовного центра будет строиться уже через традицию христианского осмысления Царства как земного отражения Небесного Царства Православных, и Москва окажется Третьим Римом, удерживающем земное Христианское царство. Тут уже сама государственность будет осмыслена как сакральная. Замечу особо, что всё это было развитием традиционных древнерусских понятий, и ни в чём им не противоречило, не замещало, а лишь дополняло новыми слоями осмысления, сохраняя в целостности прежнюю картину Русской земли.

Несомненно, что разделение Русской митрополии в XV веке оказало сильное влияние на дальнейшее развитие православной традиции в Восточной и Западной Руси. Существует тезис, что западнорусское православие уже к концу XVI века значительно отличалось от восточнорусского. Я не буду сейчас разбирать этот очень спорный вопрос. Отмечу лишь, что понятия о Русской земле это коснулось меньше всего. Обе митрополии продолжали себя считать «всей Руси», для обеих сохраняли значимость старые понятия о русских пределах. Правда, в Московской части уже к началу XVII века стали рассматривать Западную Русь как Русь попорченную, и это было связано в первую очередь с фактом Брестской церковной унии. Однако такое своего рода отторжение Западной Руси было недолгим, и во многом оно было преодолено как раз выходцами из самой Западной Руси.

Брестская уния оказала огромное влияние на православную жизнь в Речи Посполитой. Само положение запрещённой церкви и нелегальной иерархии (с 1620 г.) и богословско-историческая полемика, а также просто борьба за церкви между православными и униатами сыграло роль сильнейшего возбудителя православной интеллектуальной и общественной жизни. Так, если в конце XVI века жизнь православного общества Речи Посполитой во многом определялась влиянием московской культуры, и в первую очередь огромной эмиграцией из Московской Руси на Западную, когда от Ивана Грозного сбегала большая часть культурной элиты страны, то теперь на самой Западной Руси наступил такой расцвет православной культуры, который потом полностью определил и культурное будущее Восточной Руси.

Одним из самых значимых впоследствии идейных течений, возникших здесь в то время, было обновление идеи единства Русской земли. Примечательно, что самыми активными её авторами были выходцы из Гали-

чины, хотя культурным центром, с которым связано и всё это православное возрождение, и в том числе развитие этой идеи, был, конечно, Киев. Ещё в посланиях Львовского братства в Москву конца XVI – начала XVII века ясно проступила идея того, что московский царь является покровителем всей Русской земли, включая, конечно, и Галицкую Русь со Львовом. Важно здесь подчеркнуть тот факт, что Русской землёй для них была именно православная земля, это было обозначением именно православного пространства, хотя, конечно, в то время жителями западнорусских земель были далеко не только православные. И примечательно то, что в Москве понимали львовских братчиков, они говорили в этом плане на одном понятийном языке.

В концепцию необходимости политического объединения в будущем всей Русской земли под властью московского царя и патриарха эти идеи доросли в круге главы православной нелегальной иерархии митрополита Иова Борецкого. Эта идея, ставшая вскоре важнейшей для событий эпохи Хмельниччины, была очень чётко заявлена им ещё в его посольстве и посланиях в Москву в 1624 г. Для её оформления огромную роль сыграли труды и общественная деятельность таких ярких мыслителей той эпохи, как Иоанн Вишенский, Захария Копыстенский, Исаяя Копинский и целого ряда других.

Эта мысль была не сразу принята в Москве. Там опасались «испорченного» западнорусского православия, относились к нему с недоверием. Однако уже в 1660- гг. Московская церковь предпринимает масштабную церковную реформу, преобразуя свои традиции именно по киевским образцам. Это стало началом воссоединения единого церковно-конфессионального пространства, и уже вскоре за ним последовало и собственно церковное объединение. Я подчеркну, что идеологом этого объединения был интеллектуальный круг западнорусской митрополии, и собственно Киев.

Во многом все эти изменения были обусловлены большим потоком миграции церковных деятелей и монахов из Западной Руси (причём не только её присоединённых земель) в Восточную. К началу XVIII века большинство церковных иерархов Московского патриархата были выходцами с Украины. Это было настоящим культурным объединением двух частей Руси, причём основанным на киевской православной традиции. И оно же вновь сделало понятие «Русской земли» к концу XVII века предельно актуальным. Богоизбранный народ единой Русской церкви вновь видел свою землю святой.

Именно так русское культурное пространство встретило события начала XVIII века. Несмотря на то, что

земли Полтавщины были присоединены к Московскому царству довольно недавно, но воспринимались они как древняя и неотъемлемая часть Святой Русской земли. Более того, именно эти малорусские, как тогда говорили, территории были основными выразителями этой вновь возрождённой идеологии. И такое восприятие этих земель было свойственно как представителям Северо-Восточной Руси, бывшим в петровской армии, так и казачеству, о чём свидетельствуют и ранние казацкие сочинения.

Надо оговориться, что это время – начало XVIII века – было последним, когда ещё господствовало старое религиозное сознание. В течение XVIII столетия мышление культурных элит постепенно секуляризируется, и старые понятия перестают быть столь актуальными, да и смыслы их изменяются. В казацких текстах понятие Русской земли встречается всё реже, а вместо него появляются

такие как, например, Малороссийская земля, или даже Украинская земля. Появление этих понятий связано с утверждением светского мышления, когда старые структуры идентичности становятся всё менее значимыми, а новые учитывают уже факторы политической и отчасти этнографической реальности.

Но это было позже. Приложение их ко времени события Полтавской битвы является попросту анахроничным подходом, притягивающим реальность того времени под более позднее. Для оценки же самой Полтавской битвы и того, как её участники (в том числе и пассивные) понимали происходящее, мы должны учитывать своеобразие структур идентичности людей того времени и то огромное значение, которое для них играло понятие «Русской земли» – той земли, на которой шло сражение, той земли, за которую они погибали.

Материал поступил в редакцию 28. 11. 2011 г.